

ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ЕДИНИЦ ПОВТОРА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ ЛИРИКИ У.Б. ЙЕЙТСА

Рассматриваются функции и языковые особенности фигуры повтора в двух ранних стихотворениях англо-ирландского поэта Уильяма Батлера Йейтса. С целью выявления переводческой эквивалентности проведен компаративный анализ единиц повтора на материале русскоязычных переводов, выполненных Г.М. Кружковым.

Ключевые слова: фигура повтора; поэтический язык; стилистика перевода; переводческая эквивалентность.

Фигура повтора определяется В.П. Москвиным как стилистический прием, «состоящий: а) в повторении в непосредственной близости друг от друга одной и той же единицы (звука, морфемы, слова); б) в использовании в тех же условиях сходных единиц (похожих звуков, созвучных слов)» [1. С. 81]. Единицы повтора, таким образом, могут быть реализованы на всех языковых уровнях. Помимо этого, принципиальна комбинация повторяющихся компонентов, которые могут «занимать одну и ту же позицию в нескольких речевых единицах, могут занимать противоположные позиции, два компонента могут меняться местами» [2. С. 240].

Прием повтора онтологически близок поэтическому контексту. (Ср. с замечанием Р.О. Якобсона: «Поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» (цит. по: [3. С. 254]).) В поэтическом языке синтагматика заменяет парадигматику; эквивалентные единицы не рядоположены и/или инертны (как в обыденном языке), будучи составляющими некоторых структур. Примером может служить такая сущностная характеристика поэзии, как рифма, представляющая собой сходство стиховых окончаний.

Повтор – частотная стилистическая фигура в лирике англо-ирландского поэта Уильяма Батлера Йейтса. К основным эстетическим функциям повтора в рамках поэтики У.Б. Йейтса можно отнести следующие:

1) имитация ритмики кельтского фольклора, изобилующего повторами различного рода. Так, В.П. Калыгин пишет о том, что основным принципом построения кельтских генеалогических поэм (т.е. родословных описаний деяний богов, героев и реальных личностей. – Н.П.) был «принцип повторяемости, который охватывал все языковые уровни от фонетики до синтаксиса» [4. С. 123]. Обращение к древнекельтской поэтической традиции было естественным для Йейтса, ставившего перед собой задачу обогащения ирландской национальной литературы;

2) «вскрытие тайных семантических свойств языка» (О.М. Брик, цит. по: [3. С. 265]), кроющихся в звуковом и структурном сходстве единиц поэтического текста. О последнем имеет смысл говорить, учитывая увлечение Йейтса мистическими практиками, отразившееся в его лирике, эссеистике, а также авторской эстетике поэтического творчества. Одним из постулатов мистических доктрин является закон цикличности, повторяемости происходящего (Т.М. Новикова определяет это как «Вселенскую ритмичность» [5. С. 229]). Критик Дж. Аллисон пишет о следующей особенности йейтсовской поэтики: «The attempt to represent the supernatural in human terms, or to portray the human as irresistibly attached to the supernatural, is a constant in Yeats's early

verse» («Попытка представить сверхъестественное в форме материального либо, напротив, изобразить материальное неразрывно связанным со сверхъестественным является своего рода константой ранней лирики Йейтса») [6. С. 356]. Аналогичным образом поэтическая форма (материальная, фиксируемая при помощи языковых единиц) подчиняется надматериальному закону, в чем, возможно, и заключается йейтсовская «тайная семантика» языка.

В настоящей статье мы рассмотрим систему единиц повтора в двух ранних стихотворениях У.Б. Йейтса (*He Wishes for the Cloths of Heaven* и *Into the Twilight*), а также в их переводах, выполненных Григорием Михайловичем Кружковым.

I. Соположенные единицы повтора в стихотворении *He Wishes for the Cloths of Heaven* маркированы нами при помощи индексов:

Had I the heavens' embroidered cloths₁,/ Enwrought with golden and silver light₂,/ The blue and the dim and the dark cloths₁/ Of night and light₂ and the half-light₂,/ I would spread₃ the cloths₁ under your feet₄,/ But I, being poor, have only my dreams₅,/ I have spread₃ my dreams₅ under your feet₄,/ Tread₆ softly because you tread₆ on my dreams₅ (*He Wishes for the Cloths of Heaven*, 1899).

Владей небесной я *напчой₁*/ Из золота и *серебра₂*,/
Рассветной и ночной *напчой₁*/ Из дымки, мглы и *серебра₂*,/
Перед тобой бы *расстелил₃*, – / Но у меня одни *мечты₄*,/
Свои *мечты₄* я *расстелил₃*,/ Не расстопчи мои *мечты₄* («Он мечтает о парче небес»).

Приведенное стихотворение наглядно демонстрирует частотность йейтсовских повторов: восемь стихов содержат в себе множественный буквальный лексический повтор, служащий в том числе для построения тавтологической рифмы (*cloths... cloths – напчой... напчой*), а также повтор словосочетаний (*under your feet, my dreams*).

Сопоставление единиц повтора в оригинале и переводе демонстрирует их количественное доминирование в оригинале (6 и 4 единицы соответственно). Единицы повтора не совпадают не только количественно, но и структурно. Так, не абсолютно эквивалентна комбинация словоформ и словосочетаний, служащих организации тавтологической рифмы в оригинале и переводе: *under your feet – расстелил* (5-й и 7-й стихи). Это связано с тем, что аффиксация является более продуктивным способом формо- и словообразования в русском языке по сравнению с английским, что влияет на длину слова и отражается на задачах версификации при переводе, однако не является показателем адекватности / неадекватности переводящего текста.

Вместе с тем переводчиком воспроизведены наиболее значимые особенности повтора, связанные с пере-

дачей прагматического значения, репрезентирующего экспрессивно-стилистическую нагрузку языкового знака. По мнению Л.С. Бархударова, именно сохранение прагматического значения наиболее существенно для поэтического перевода [7. С. 73]. Значимыми особенностями нам представляются: 1) ритмичный узор тавтологических рифм (*abab cdcd*), придающий стихотворению интонацию отрешенной безнадежности; 2) тройной повтор ключевой словоформы *мечты*, создающий стилистическую доминанту («статичный образный стержень стихотворения» [8. С. 64]).

Что касается утраченного повтора словоформ *light* и *half-light*, то семы 'свет', 'светило', 'сумрак', 'надземность', входящие в состав их ЛСВ, в переводе переходят к эпитетам *рассветный*, *небесный*. Релевантные лексико-семантические варианты представлены ниже:

Light. The brightness that comes from the *sun* ('светило').

Half-light. A *low-light* in which you cannot see things well ('приглушенность света' => 'сумрак').

Небесный. Прекрасный, *возвышенный* ('надземность').

Рассвет (прил. *рассветный*). Время суток перед восходом *солнца*, *начало утра* ('светило'; 'временная переходность' => 'сумрак').

Данные эпитеты имеют ту же смысловую нагрузку, что и в оригинале, актуализируя принципиальную для Йейтса символику дня и ночи, света и сумрака (ср. со следующими йейтсовскими образами: *increasing Night that opens her mystery and fright; terrible novelty of light; twilight of rest*). Тем самым переводческая «утрата» единицы повтора, вызывающая трансформацию авторских образов, не влияет на содержательную сторону произведения. Более того, это укладывается в рамки эстетики Йейтса: «Поэт... тяготеет к условности, в которой была бы сконцентрирована *сущность* современной ему реальной жизни, и отказывается от воспроизведения внешних признаков этой реальности» [9. С. 124].

II. Текстура стихотворения *Into the Twilight* также насыщена повторами различных типов:

Out-worn heart, in a time out-worn./ Come clear of the nets of wrong and right;/ Laugh, heart, again in the grey twilight./ Sigh, heart, again in the dew of the morn./ Your mother Eire is always young./ Dew ever shining and twilight grey;/ Though hope fall from you and love decay./ Burning in fires of a slanderous tongue./ Come, heart, where hill is heaped upon hill:/ For there the mystical brotherhood/ Of sun and moon and hollow and wood/ And river and stream work out their will;/ And God stands winding His lonely horn./ And time and the world are ever in flight;/ And love is less kind than the grey twilight./ And hope is less dear than the dew of the morn (Into the Twilight, 1899).

Дряхлое сердце мое, очнись./ Вырвись из плена дряхлых дней!/ В сумерках серых печаль развеи./ В росы рассветные окунь./ Твоя мать, Эйре, всегда молодая./ Сумерки мглы и росы чисты./ Хоть любовь твою жгут языки клеветы./ И надежда сгинула навсегда./ Сердце, уйдем к лесистым холмам./ Туда, где тайное братство луны./ Солнца и неба и крутизны./ Волю свою завещает нам./ И Господь трубит на пустынной горе./ И вечен полет времен и планет./ И люб-

ви нежнее – сумерек свет./ И дороже надежды – роса на заре («В сумерки»).

Единицы повтора, функционирующие в приведенных поэтических контекстах, многочисленны и разнообразны как с точки зрения уровня языка, к которому они принадлежат, так и в аспекте их позиционной организации. Это не позволяет нам маркировать повторяющиеся компоненты при помощи индексов. Представим типологию повторов в оригинале и переводе стихотворения в виде списков.

Повторяющиеся компоненты, представленные в оригинальном тексте стихотворения *Into the Twilight*, реализуются на лексическом и синтаксическом уровнях и репрезентируют следующие типы:

1. Повторы ключевых словоформ *twilight* (1), *dew* (2), *hope* (3), *love* (4), формирующие стилистическую доминанту стихотворения: *Laugh, heart, again in the grey twilight₁/ Sigh, heart, again in the dew₂ of the morn./ Your mother Eire is always young./ Dew₂ ever shining and twilight₁ grey;/ Though hope₃ fall from you and love₄ decay./ Burning in fires of a slanderous tongue./ ...And love₄ is less kind than the grey twilight₁/ And hope₃ is less dear than the dew₂ of the morn.*

2. Буквальный повтор словоформы *out-worn*, заключающий первый стих в кольцо: *Out-worn heart, in a time out-worn*. Включенность повторяющегося прилагательного *out-worn* и существительного *time* в смысловое метафорическое единство («сердце, изношенное временем») подчеркивает доминантный мистический мотив цикличности времени, о значимости которого для У.Б. Йейтса мы упоминали выше.

3. Буквальные повторы словоформ *heart* и *again*, детерминированные позиционно и функционально: повторяющееся наречие *again* находится в постпозиции к существительному *heart*, выполняющему функцию обращения (*Laugh, heart, again in the grey twilight./ Sigh, heart, again in the dew of the morn.*).

4. Повтор одной и той же грамматической формы, в данном случае императива, придающего стихотворению апеллятивную тональность: *Come clear of the nets of wrong and right;/ Laugh, heart, again in the grey twilight./ Sigh, heart, again in the dew of the morn./ ...Come, heart, where hill is heaped upon hill...* Принимая во внимание тот факт, что значение императивности было вычленено нами способом внешней категоризации (посредством анализа «соотнесенных со словом в речевой цепи элементов» [10. С. 24]), мы все же считаем возможным говорить о повторе грамматической формы. Так, в фундаментальной монографии *The Handbook of English Linguistics* начальная форма глагола указывается в качестве показателя повелительного наклонения: «The imperative is not marked for tense, being formally realized by the base form of the verb» [11. С. 270].

5. Дистантные эпифорические повторы словосочетаний *grey twilight*, *dew of the morn*: *Laugh, heart, again in the grey twilight./ Sigh, heart, again in the dew of the morn./ ...And love is less kind than the grey twilight./ And hope is less dear than the dew of the morn.*

6. Тавтологическое словосочетание *hill upon hill*, образованное посредством повтора («combination formed by repetition», по М.Я. Блоху [12. С. 231]).

7. Параллелизм, или использование одноструктурных фраз (модель союз + подлежащее + составное именное сказуемое, где именная часть выражена прилагательным в сравнительной степени): *...And love (S₁) is less kind than the grey twilight (P₁)/ And hope (S₂) is less dear than the dew of the morn (P₂)*. Изоморфизм фраз в данном случае может являться отголоском древнекельтской поэтической традиции [4. С. 100].

8. Полисиндетон, в том числе анафорический: *...the mystical brotherhood/ Of sun and moon and hollow and wood/ And river and stream work out their will;/ And God stands winding His lonely horn;/ And time and the world are ever in flight;/ And love is less kind than the grey twilight;/ And hope is less dear than the dew of the morn.*

Перевод Г.М. Кружкова воспроизводит следующие особенности йейтсовского повтора:

1. Повторы ключевых словоформ *сумерки* (1), *роса* (2), *любовь* (3), *надежда* (4), частично трансформирующиеся в анноминации вследствие большей развитости падежной парадигмы в русском языке по сравнению с английским: *В сумерках₁ серых печаль развей./ В росы₂ рассветные окунься./ Твоя мать, Эйре, всегда молода./ Сумерки₁ мглисты и росы₂ чисты./ Хоть любовь₃ твою жгут языки клеветы/ И надежда₄ сгинула навсегда./ ...И любви₃ нежнее – сумерек свет./ И дорожке надежды₄ – роса на заре.*

2. Повтор прилагательного *дряхлый*, трансформирующийся в анноминацию: *Дряхлое сердце мое, очнись./ Вырвись из плена дряхлых дней!*

3. Функционально детерминированный повтор существительного *сердце*, выступающего в роли обращения: *Дряхлое сердце мое, очнись.../ Сердце, уйдем к лесистым холмам...*

4. Повтор грамматической формы императива: *Дряхлое сердце мое, очнись./ Вырвись из плена дряхлых дней!/ В сумерках серых печаль развей./ В росы рассветные окунься./ ...Сердце, уйдем к лесистым холмам...* Включив в этот ряд форму с инклюзивным значением (*уйдем*), переводчик блестяще воспроизвел одну из доминант поэтики У.Б. Йейтса – внутреннюю

диалогичность. Призывая собственное сердце к «совместному действию», лирический герой будто усматривает в самом себе несколько начал одновременно. Сам поэт писал об этом так: *It's the quarrel with the self that produces poetry* («Спор с самим собой и рождает поэзию») (цит. по: [13]).

5. Использование одноструктурных фраз: *И любви нежнее (P₁) – сумерек свет (S₁)/ И дорожке надежды (P₂) – роса на заре (S₂)*.

6. Полисиндетон: *тайное братство луны,/ Солнца и неба и крутизны/ Волю свою завещает нам./ И Господь трубит на пустынной горе./ И вечен полет времен и планет./ И любви нежнее – сумерек свет./ И дорожке надежды – роса на заре.*

В переводе утрачиваются такие повторяющиеся компоненты, как: 1) «кольцо» в первом стихе; 2) эпифорический повтор словосочетаний *grey twilight, dew of the morn*; 3) тавтологическое словосочетание *hill upon hill*. Вследствие этого стихотворение несколько теряет изначальную тональность цикличности, неизменности исканий Духа, сменяющихся «пленом дряхлых дней», а затем снова возобновляющихся. Вместе с тем представляется очевидным, что Г.М. Кружковым сохранена основная структура многочисленных единиц повтора, в том числе ключевых словоформ, образующих образный стержень стихотворения.

Подводя итог сказанному, еще раз отметим, что анализ особенностей единиц повтора в переводе стихотворения *He Wishes for the Cloths of Heaven* продемонстрировал трансформацию авторских образов вследствие переводческого опущения, однако прагматическое значение анализируемых единиц было сохранено (в том числе посредством переводческого добавления – включения новых эпитетов). Перевод стихотворения *Into the Twilight*, являющего собой «пеструю карту» уровневых и позиционных повторов, воспроизводит практически все типы повтора, представленные в оригинальном тексте стихотворения. Это позволяет говорить о высоком уровне эквивалентности перевода в обоих случаях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Москвин В.П. Типология повторов как стилистической фигуры // Русский язык в школе. 2000. № 5. С. 81–85.
2. Москвин В.П. Повтор // В.П. Москвин. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Общая и частные классификации. Терминологический словарь. 2006. 376 с.
3. Лахманн Р. Концепции поэтического языка // Р. Лахманн. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001. С. 251–273.
4. Калыгин В.П. Язык древнейшей ирландской поэзии. М., 2003. 128 с.
5. Новикова Т.М. Эзотерическая философия. М., 2006. 368 с.
6. Allison J. William Butler Yeats // The Oxford Encyclopedia of British Literature / ed by D.S. Kastan. Oxford University Press, 2006. Vol. 5. P. 355–363.
7. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975. 240 с.
8. Цветкова Н.Е. Лексический повтор в стихотворной речи // Русский язык в школе. 1986. № 1. С. 63–67.
9. Ряполова В.А. У.Б. Йейтс и ирландская художественная культура (1890-е – 1930-е гг.). М., 1985. 270 с.
10. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка. М., 2005. 256 с.
11. Depraetere I., Reed S. Mood and Modality in English // The Handbook of English Linguistics / ed. by B. Aarts, A. McMahon. Blackwell Publishing, 2006. P. 269–290.
12. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. М., 1983. 383 с.
13. William Butler Yeats. URL: <http://oyc.yale.edu/english/engl-310/lecture-6>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 июня 2012 г.